

ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА

Чужие здесь не ходят

30-километровая зона отчуждения хранит множество тайн, опасностей и сюрпризов...

Всего одна-единственная дорога – старинный шлях – ведет в научный городок Бабчин, да и та вдруг пересекается шлагбаумом. Дальше начинается снискавшая печальную известность 30-километровая зона отчуждения, непосредственно примыкающая к Чернобыльской АЭС. Вход и выезд на эту пораженную радиацией территорию строго ограничены. Даже люди, ежедневно приезжающие сюда на работу, обязаны пересекать КПП и предъявлять пропуск дежурной вахте. А о постоянно присутствующей опасности, которая не имеет ни цвета, ни вкуса, ни запаха, лучше всего напоминает счетчик Гейгера.

Режимная территория

– Посторонних в зоне быть не должно, – строго говорит мужчина в камуфляжной форме, долго изучая временное разрешение и недоверчиво глядяваясь в мое лицо. – Наш заповедник – учреждение особого режима...

Но вот шлагбаум поднят и я, проделав почти 400-километровый путь из Минска, оказавшись в ППРЭЗ – Полесском государственном радиационно-экологическом заповеднике. Мой сопровождающий говорит, что на этом контроль не закончен – впереди выезд в так называемую «мертвую зону» и дежурные следующего КПП еще строже. К тому же в любой момент и в любом месте может появиться служба охраны и тщательно проверить документы.

– Разве это не грустный парадокс? – вздыхает сопровождающий. – Ведь заповедники на земле создаются для того, чтобы защитить природу от присутствия человека. Здесь же все наоборот: человека оградил от природы, чтобы она ему не навредила.

Слова моего «сталкера» подтверждают придорожные знаки с обозначением радиоактивности, которые все чаще мелькают за окном автомобиля, нагоняя тоску и тревогу.

Герои Красной книги

Дорогу то и дело перебегают семейки косуль и стада диких кабанов, с любопытством смотрят из сосны безрогие в это время лоси. И мы, едва тронувшись, снова тормозим и щелкаем затворами фотоаппаратов.

А еще нам посчастливилось подсмотреть «тусовку» зубров – как раз было время подкормки этих грозных на вид свидетелей доисторических времен. В одной из

дубрав, которыми всегда славилось Припятское Полесье, создан приют для переселенцев из Беловежской Пути. Из завезенных сюда 16 зубров за 15 лет поголовье стада достигло полста – уже внесли свой вклад животные, рожденные на новой территории.

Десять лет занимается научной деятельностью в заповеднике Татьяна Дерябина. Ее, известного белорусского биолога-териолога, привлекла в первую очередь возможность очень близко наблюдать биоразнообразие зоны отчуждения. Еще бы – столько краснокнижных представителей на одной территории! В заповеднике обнаружено 22 вида растений и около 100 видов животных, занесенных в Красный список Международного союза охраны природы и Красную книгу Республики Беларусь. Например, ятрышник шлемоносный, водяной орех, черный аист, большая белая цапля, золотистая шурка, гребенчатый тритон, болотная черепаха... Постоянно увеличивается количество основных охотничьих видов копытных, растут популяции бобра, тетерева...

– Лишь два фактора определяют в данном случае притягательность этих территорий: действенный охранный режим, который в целом остается более строгим, чем в подавляющем количестве заповедников, и снятие всех видов антропогенной нагрузки, – считает Татьяна Дерябина. – Уникальные возможности сложились для восстановления популяций тех видов животных, которые в наибольшей степени страдают от антропогенного фактора и по этой причине стали редкими, исчезающими. Это касается в первую очередь крупных хищных птиц, барсук, рыси. По мнению орнитологов, территории заповедника становится одним из крупнейших в европейском масштабе резерватом дневных хищных птиц. И уж совсем застала нас врасплох весть об увиденных не раз следах медведя. Это явный признак того, что, возможно, здесь сложились экологические условия, отвечающие потребностям существования этого крупного хищника.

Кто в тереме живет?

«Есть ли на европейском пространстве уголок более уникальный и интересный и в то же время столь трагический по своей судьбе, чем эта заповедная территория?» – уже не одно десятилетие не перестает удивляться ученые, которым пришлось связать свою трудовую деятельность с этими местами. Четверть столетия назад

ФОТО АВТОРА

на этих землях разыгралась величайшая драма, название которой – Чернобыль. Из взорвавшегося 26 апреля 1986 года реактора 4-го энергоблока Чернобыльской атомной станции на эти земли выпало около 70 процентов радиоактивных осадков. Что и стало причиной выселения с зараженной местности людей, невзирая на их многовековой уклад жизни и привязанность к родным местам. До аварии здесь проживали более 22 тысяч человек.

Но обширная обезлюдевшая территория площадью в 216 тысяч гектаров, вопреки ожиданиям, пустовала недолго. Отсутствие антропогенного фактора пробудило в природе невиданные доселе силы к возрождению, и зона отчуждения очень быстро превратилась в крупнейший резерват животного и растительного мира. Радиация, местами немаломы высокая, не стала этому помехой, скорее даже наоборот. 96 населенных пунктов, 13 из которых были захоронены в первый послеварийный год, обрели новых хозяев – дикие кабаны, лоси, косули и даже волки стали в них не только заглядывать, но и уstraивать лежки и логова.

Радиация под присмотром

Радиационный фактор открыл перед учеными непочатый край работы. Спустя два года после трагических событий было принято решение создать радиационный заповедник в зоне отчуждения и раз-

местить его научную часть и экспериментально-исследовательскую базу непосредственно в населенном пункте, жители которого были эвакуированы в срочном порядке. Этим местом стала деревня Бабчин, вернее, часть ее пустующих домов на бывшей центральной уличке.

Небольшое помещение кирпичного, жарко натопленного дровами дома. Когда-то это была спальня хозяев или детская комната. Сейчас – лаборатория участка внутренней дозиметрии. У компютера несколько специалистов обсуждают графики последних исследований. Это отделение радиационной безопасности, здесь ведется мониторинг за уровнем радиационного излучения. Данные поступают сюда с 9 реперных точек, на которые периодически выезжают дозиметристы лаборатории радиационных измерений, продолжая буквально «прощупывать» всю территорию зоны отчуждения и делая в год до тысячи проб по цезию, стронцию, плутонию.

Здесь же отслеживается безопасность персонала, ведь в заповеднике работают более полтысячи человек. Благо, в арсенале отделения появился современный прибор – спектрометр измерения человека (СИЧ), при помощи которого стало значительно легче и быстрее устанавливать уровни внутреннего накопления радиации. Допустимый уровень для персонала – 20 миллизивертов в год. В случае превышения уровня такого «нарушителя» отправляют

на обязательное обследование и профилактику. От СИЧ это скрыть невозможно.

Действительно, от килограмма грибов, собранных в местном лесу, или килограмма мяса дикого кабана можно получить годовую норму внутреннего облучения. Радационистам участка внешней дозиметрии приходится все время напоминать о радиационной обстановке зоны и загрязненности продуктов, инструктировать персонал и жителей прилегающих деревень о том, где можно ходить и чего нельзя есть. Например, яблоки и груши в оставшихся садах, мед одичавших пчел, рыба в местных прудах в десятки, а то и в сотни раз превышают допустимые уровни накопления радиации. Осенние грибы зеленки, собранные в районе Бабчина, имеют 101 060 беккерелей на килограмм сырой массы, то есть в них превышает допустимый уровень радионуклидов в 273 раза! В маслятах – в 108 раз, в белом грибе – в 40-130 раз. Но даже это не останавливает экстремальных любителей «тихой охоты».

Станционные смотрители

Единственная «живая» в зоне даже зимой дорога протяженностью более 40 километров ведет в Масаны. Через пустые деревни, через молодые сосновые подлески, появившиеся уже после аварии. В 1996 году в заповеднике начала работу постоянно действующая научно-исследовательская станция,

название которой досталось от бывшей деревни. Как часть научного отдела станция осуществляет метеорологические наблюдения, ведет мониторинг динамики радионуклидов в почве, воде, растительности. Необычность ее и в том, что более приближенной точки к Чернобыльской атомной станции со стороны Беларуси нет. Всего в километре – граница с Украиной. В ясную погоду, поднявшись на пожарную вышку, можно невооруженным глазом увидеть мертвый город Припять и ЧАЭС с саркофагом над 4-м энергоблоком.

Создавали станцию «Масаны» как пункт контроля за фоном в случае ЧП на АЭС. Десять лет назад Чернобыльскую атомную станцию остановили, но «Масаны» продолжают работать. Каждые 12 дней здесь меняются вахтовые бригады, они доставляют сюда чистую питьевую воду, продукты питания и медикаменты, а увозят пакеты и баночки, наполненные землей, водой и растениями – пробами из зоны, на которую выпало наибольшее количество трансурановых элементов.

Известно, что долгоживущие частицы плутония из взорванного реактора оседали в радиусе 12-15 километров. Многие поселения, оказавшись в страшном плену радиации, были закопаны. Масанам же досталась особая миссия, поэтому населенный пункт существует доселе, невзирая на то что фон гамма-излучения здесь по-прежнему высок и держится на уровне 1500 и выше микро-рентген в час.

– Это место было выбрано из-за разнообразия ландшафтов и фитоценозов, – рассказывают дежурные новой смены. – Вокруг довольно широкий спектр биотопов: суходольные луга, болото, березняка, сосняк, дубравы, река, озеро.

Два специалиста станции ведут здесь круглосуточный замер фона бета- и гамма-излучений, фиксируют метеопозаказания, наблюдают за пожарным состоянием лесов и пустующих деревень. Попутно исследуют донные отложения самых зараженных бессточных озер зоны – Персток и Смержин. Дальнейший путь взятых отсюда проб – в лабораторию радиационных измерений, где они пройдут тщательный химический и спектрокопический анализ. Только лабораторное исследование может показать, как глубоко проникли радионуклиды в почву, какова степень их полураспада...

Ученые прогнозируют, что максимальное накопление амерция-241 в почве произойдет к 2058 году, когда распадется почти весь плутоний-241, и не без оснований. «Новорожденный» трансурановый элемент альфа-излучения еще опаснее стронция и цезия, особенно если радионуклид вместе с пылью, водой или едой попадет в организм. Да и продолжительность его жизни увеличивается уже до пяти столетий.

Откуда дровишки?

Крут забот специалистов, несущих вахту в заповеднике, немал: кроме мониторинга за радиационной обстановкой, растительным и животным миром здесь ведутся поиски технологий по предотвращению вторичного загрязнения прилегающих территорий, по реабилитации земель, загрязненных радионуклидами, осуществляется инвентаризация природных ресурсов. Плюс поддержание гидрологического равновесия, охрана лесов от пожаров, вредителей и болезней, облесение земель, на которые воздействует ветровая и водная эрозия, охрана заповедной территории и обеспечение натуральной разновидности развития живой природы, содействие увеличению количества редких видов растений и животных. Для выполнения всего этого комплекса работ создано несколько отделов, один из которых занимается непосредственно ведением лесного хозяйства.

С бригадой лесорубов отправляемся к месту будущей делянки. С нами едет и специалист лаборатории радиационных измерений, его задача – измерить фон на месте планируемых рубок, собрать пробы разных пород деревьев: березы, ольхи, сосны, ели. Лесорубы добудут эти пробы при помощи пилы и топора. Пакеты с опилками и корой необходимо доставить в лабораторию, где и будет вынесен «приговор» местности: быть ли ей полезной для человека или долгие десятилетия оставаться нетронутой. Скорее всего, лес в этом месте будет определен годным когда-то лишь для строительных материалов и ни в коем случае для использования в качестве дровяного топлива.

Природные подсказки

Ландшафт зоны отчуждения равнинный и на первый взгляд не привлекающий внимание. Медленно текут реки под безоблачным голубизной небом, тростниковые заросли окаймляют их до самого горизонта. Ольховые рощи и бесконечные хвойные леса, перетянутые сверкающими серебряным жилами ручьев и речушек. Откровенно открытых пространств здесь почти не осталось, все зарастает кустовьем, березой, сосной, осиной, дубом, превращается в дикумя местность.

Это и есть метаморфоза чернобыльской земли, некогда культивируемой и плодородной. И этому невозможно не удивляться. Ведь сама природа подсказывает человеку, как нужно лечить радиоактивно больную землю. В ППРЭЗ эту территорию хотят превратить в огромный лес. Как бы там ни было, а «чернобыльскую вахту» здесь предстоит нести еще не одному поколению белорусских ученых.

Иван ЛУЖИНСКИЙ

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Вопреки чернобыльской беде

Журналисты посетили территории, пострадавшие после чернобыльской аварии

Чечерский район Гомельской области – один из 21 наиболее пострадавших районов после аварии на ЧАЭС. В настоящее время в эти районы Беларуси возвращается жизнь. После аварии в Гомельской области введено в эксплуатацию более 30 тысяч домов и квартир для переселенцев, образовательные школы на 25 тысяч школьников, детские дошкольные учреждения для 10 тысяч детей, больницы на 2,5 тысячи коек, поликлиники и амбулатории на 13 тысяч посещений в смену и многие объекты других отраслей народного хозяйства. В области завершена переспециализация 22 проблемных хозяйств в агропромышленном комплексе, которые сегодня получают чистую продукцию.

Здесь помнят

Мы отправились в Чечерск в рамках программы международной научно-практической конференции «25 лет после чернобыльской катастрофы. Преодоление ее последствий в рамках Союзного государства». Город расположен в районе, который был сильно загрязнен радиоактивными осадками. Здесь чернобыльская катастрофа повлияла на все

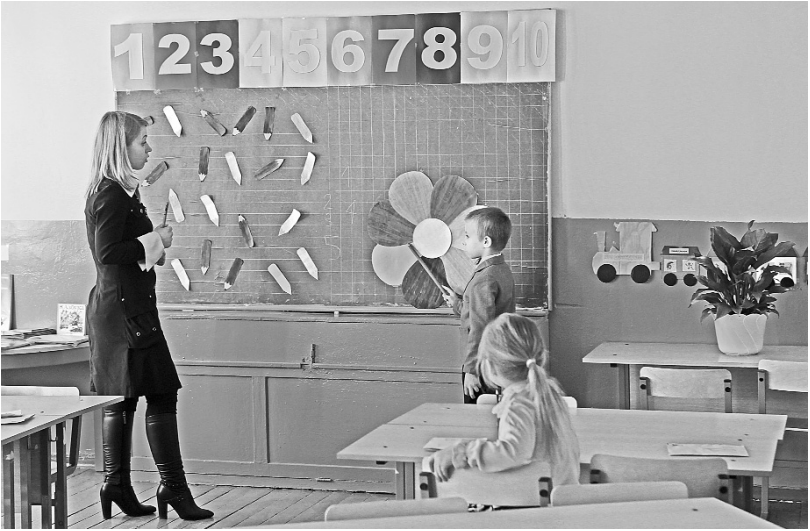
ФОТО ВЛАДИМИРА КОРОВИЧЕНА

сферы жизни – производство, культуру, науку и многие другие. Жители на себе прочувствовали всю опасность радиации, повлекшей за собой такие трагические последствия. На высоком холме недалеко от главной городской дороги возвышается монумент жертвам аварии и погибшим деревням. Недалеко от монумента разбит парк памяти и скорби. Мы возложили цветы к памятнику, почтили минутой молчания тех, кто пострадал от взрыва на чернобыльской АЭС, и тех, кто был 11 апреля на станции метро «Октябрьская» в Минске. Было вид-

но, местные жители, подготовившие для нас рассказ о первых часах после катастрофы, не понаслышке знают, как это бывает: жил человек – и вдруг его уже нет. История аварии передается из поколения в поколение, ее последствия, нанесшие неисправимый вред здоровью, тоже становятся частью семейной истории.

Не женское дело

Целью нашей экскурсии было знакомство с социально-экономическим развитием края. Началось оно с посещения агропромыш-

ленного предприятия «Отор». Пробразом нынешнего агрогородка поселок Отор стал еще в советские времена, но чернобыльская катастрофа 1986 года приостановила его развитие. Однако люди выстояли перед радиационной опасностью и перед сложностями нынешнего времени.

Теперь трудно представить, что эта прекрасное, ухоженное хозяйство еще несколько лет назад было убыточным. Сегодня оно является одним из передовых. У ворот нас встретила руководитель «Отора» Татьяна Струк. В Чечерском районе Татьяна Алекс-

еевна – персона известная. За несколько лет женщина не только подняла и вывела в региональные лидеры огромное хозяйство, но и стала победительницей республиканского конкурса «Женщина года», была награждена медалью «За вклад в развитие села».

– Эта ферма совсем новая. Она построена в 2009 году. Мы содержим 3111 голов. Работают 55 человек, используем современные технологии получения молока высокого качества. Это помогает улучшить производительность труда, у нас 392 коровы обслуживают всего три доярки, –

рассказывала нам Татьяна Струк.

Забываясь о животных здесь хорошо. Сытые, чистые и очень дружелюбные коровы интересовались нашей делегацией не меньше, чем мы ими. На ферме разработана специальная система содержания крупного рогатого скота, просторные коровники дают возможность комфортного существования и увеличивают производительность.

Такое хозяйство – образец для всех фермеров Союзного государства, но мы спросили руководство о безопасности продукции, все-таки ферма находится в радиоактивно зараженной зоне. Однако ответ фермеров нас успокоил: оказывается, ни в мясе, ни в молоке не превышен уровень радиации, продукция проходит постоянный государственный контроль и является пригодной для питания.

Медицина и образование

Следующим пунктом нашей экскурсии стала оторская амбулатория. В небольшом здании вам окажут всю необходимую помощь. Оборудование в кабинете настолько не уступает столичным медицинским центрам. На доске информации – плакат: «Так выглядит тело курильщика». После его просмотра сразу хочется расстаться с сигаретой. Как оказалось, такая наглядная агитация весьма действенна – число выбегающих на каждой остановке нашей экскурсии покурить существенно сократилось.

Амбулатория входит в число учреждений Беларуси, проходя-

щих по программе Core. Ее целью является улучшение условий жизни в городах Беларуси, наиболее пострадавших от аварии на ЧАЭС. В эту же программу входит уникальное учебное заведение «Отора» – школа-сад, расположенная на территории агрогородка.

Здесь действует проект по выращиванию кроликов под названием «Пушистый богатырь». Он позволяет приобщить ребят к сельскохозяйственной деятельности и учит заботиться о близких. К приезду нашей делегации ребята сделали нам подарки: кроликов из бумаги и большого белого лебедя.

Дальше мы направляемся в кабинет радиологической культуры в чечерской средней школе, созданный в рамках Программы совместной деятельности по преодолению последствий чернобыльской катастрофы в рамках Союзного государства на 2006-2010 годы. Школьники не только рассказали, но и продемонстрировали работу дозиметров, которые позволяют измерять радиационный фон и дозу внешнего облучения человека.

После официальной части мы прогулялись по району.

Как живописен этот край, можно увидеть, когда выйдешь на берег реки Сож. Смотришь и не веришь, что эти места могут быть опасны и не пригодны для жизни людей. Сегодня в Оторе есть сельская амбулатория, комплексный приемный пункт, универсальный магазин, собственный автомобиль «скорой помощи», автобусное сообщение с районным центром. Жизнь в Оторе продолжается!

Алена ВАРНАЧЕВА